

Кант Иммануил

Критика чистого разума

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И53

И53 **Иммануил К.**
Критика чистого разума / Кант Иммануил – М.: Книга по Требованию, 2024. – 707 с.

ISBN 978-5-519-88050-3

ISBN 978-5-519-88050-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

наго мѣста Кантъ долженъ былъ сдѣлаться домашнимъ учителемъ. Сначала у одного реформатскаго пастора въ Гумбинненѣ, затѣмъ, у помѣщика Фонъ Гильсена въ Аренсдорфѣ, наконецъ у графа Кейзерлинга, проживавшаго большую часть года въ Кенигсбергѣ, онъ послѣдовательно занимался педагогическими занятіями. Какъ успѣшно шли они, объ этомъ самъ Кантъ выражался, — что никогда не было учителя съ лучшими правилами и съ такими дурными успѣхами.

Съ 12-го іюня 1755 года Кантъ пристраивается къ Университету. Къ 1756-му году онъ выполняетъ всѣ условія тяжкаго искуса для лицъ, желающихъ быть профессоромъ въ Прусскихъ Университетахъ. Дѣло въ томъ, что, по королевскому предписанію, тогда никто не могъ быть экстраординарнымъ профессоромъ, не представивъ трехъ диссертаций, изъ которыхъ каждая должна быть защищена публично.

Но судьба видимо не благопріятствовала молодому доценту. Семилѣтняя война лишила Канта возможности занять въ скоромъ времени каеэдру экстраординарнаго профессора математики и философіи: въ виду предстоящей войны, прусское правительство рѣшилось не замѣщать вакантныхъ мѣстъ экстраординарнаго профессора. Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ Кантъ долженъ былъ дожидаться, пока его желанія могли исполниться. Въ какомъ неблизкательномъ положеніи находились его экономическія обстоятельства за это время, доказывается тѣмъ, что изношенный сюртукъ Канта подалъ друзьямъ мысль, не обижая его гордости, предложить ему новое платье. Кантъ долженъ былъ многое вытерпѣть, прежде нежели благоустроились его внѣшнія обстоятельства. Уже въ это время Кантъ обратилъ на себя общее вниманіе. Прусскій Государственный Министръ Цедлицъ питалъ къ нему высокое уваженіе. Слава объ его лекціяхъ была такъ распространена, что записки по его лекціямъ расходились далеко отъ Кенигсберга.

Въ 1770-мъ году, слѣдовательно 46-ти лѣтъ, Кантъ становится наконецъ ординарнымъ профессоромъ логики и метафизики. Его лекціи касались многихъ разрядовъ наукъ. Въ первыхъ годахъ профессуры, Кантъ читалъ физику, математику, логику и метафизику. Впослѣдствіи къ этому кругу наукъ, имѣвшему факультетскихъ слушателей спеціалистовъ, онъ присоединилъ еще второй кругъ, который предназначался для слушателей изъ всѣхъ факультетовъ: естественное право, нравственная философія, естественное Богословіе, физическая географія и антропологія. Въ наше время, конечно, ни одинъ профессоръ не возмется за такую обширную программу. Сравнительно малое развитіе физическихъ и математическихъ наукъ въ то время позволяло еще совмѣщать въ одной головѣ энциклопедическое знаніе ихъ. Что Кантъ, по крайней мѣрѣ, усердно выполнялъ свою обширную программу—доказывается тѣмъ, что онъ неупустительно читалъ 12-ть лекцій въ недѣлю и кромѣ того усердно занимался каждодневно репетиціями по часу. Одинъ изъ его друзей и учениковъ, Яхманъ, свидѣтельствуетъ, что въ продолженіе 9-ти лѣтъ онъ совершенно не припомнитъ, чтобъ Кантъ пропустилъ хотя одну лекцію.

1770-й годъ мы можемъ отмѣтить, какъ рѣшительный годъ для философской дѣятельности Канта. Къ этому времени созрѣваетъ въ немъ мысль о критикѣ какъ теоретическаго, такъ и практическаго разума. Правда, она не созрѣла еще окончательно, и самъ Кантъ не зналъ еще точно размѣровъ своего труда. Въ февралѣ 1772 года Кантъ обѣщается выдать первую часть своего труда въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Но прошло еще 9-ть лѣтъ и только въ 1781-мъ году Кантъ могъ издать первую часть своего обширнаго труда—именно «Критику чистаго разума». Судя по письмамъ его, можно предположить, что сочиненіе его нѣсколько разъ передѣлывалось. За три года до появленія, онъ писалъ еще, что по числу листовъ оно будетъ не боль-

шое. Значить съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ Кантъ углублялся въ работу, расширялись его задачи, разрастались подробности. Десять лѣтъ чисто теоретической работы, очевидно, могутъ служить не малымъ рекомендательнымъ средствомъ для его труда.

Какъ и всякая новая мысль, Критика на первый разъ была совсѣмъ не понята. Самые глубокомысленные люди смѣшивали направленіе Канта съ направлениемъ Беркли и Юма. Чтобъ пробить дорогу своему труду, Кантъ счелъ нужнымъ издать дополненіе и поясненіе къ своему труду. Съ этою именно цѣлью онъ издалъ въ 1783-мъ году «*Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als solche wird auftreten können*». Затѣмъ, въ скоромъ времени, почти одна за другою, появились и другія части его Критики: въ 1785-мъ году появилось: «*Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*», въ 1788-мъ году—«*Kritik der practischen Vernunft*» и наконецъ въ 1790 «*Kritik der Urtheilskraft*». Вотъ главные сочиненія Канта, стяжавшія ему славу глубокаго мыслителя, обезпечившія ему вліяніе на современниковъ и потомство, начавшія собою новый періодъ развитія философіи.

Съ 1786 года со смертію Фридриха Великаго начинаются черные дни для Канта. Либерализмъ вѣка Фридриха Великаго по смерти его смѣнился реакціей; она усиливалась еще отъ общихъ политическихъ опасеній, возбужденныхъ французской революціей. Въ Пруссіи органомъ реакціи былъ Министръ Велнеръ, и съ нимъ—то имѣлъ столкновенія Кантъ. Въ 1793-мъ году Кантъ издалъ свою «*Religion innerhalb der grenzen der blossen Vernunft*». Сочиненіе это не совсѣмъ шло къ строго піотическому направленію, о распространеніи котораго заботилось Министерство; оно какъ разъ было противоположно королевскимъ предписаніямъ о томъ, чтобъ проповѣдники и профессора держались, такъ-называемыхъ, символическихъ книгъ. Дѣло кончилось тѣмъ,

что Кантъ, на верху своей славы, обязался ничего не писать о предметахъ касающихся Религiи.

Но силы Канта уже были на исходѣ. Въ 1794-мъ году онъ долженъ былъ отказаться отъ каведры. Къ 1797-мъ году онъ становится уже такъ слабъ, что не принимаетъ дружескихъ приглашенiй. Тѣмъ неменѣе голова его, такъ дѣятельно работавшая съ 1770-го года, не можетъ успокоиться. Онъ предпринимаетъ все-таки трудъ: «*Das System der reinen Philosophie in ihrem ganzen Inbegriff*». Этотъ трудъ не изданъ еще и до сихъ поръ. Читавшiе его утверждаютъ, что старческое истощенiе сильно отозвалось на немъ. Очевидно, мысль человѣка на восьмомъ десяткѣ лѣтъ не можетъ равняться мысли тридцати-лѣтняго мужа. Наконецъ 12-го февраля 1804 года жизнь Канта угасла.

Если мы обратимся къ характеру Канта, то едвали мы найдемъ другой примѣръ, въ которомъ съ равною силою сказался бы нѣмецкiй характеръ со всѣми его достоинствами и недостатками. Пунктуальность, аккуратность во всѣхъ своихъ привычкахъ и дѣйствiяхъ были доведены Кантомъ до неподражаемаго идеала. Онъ терпѣть не могъ не сдержанныхъ обѣщанiй и съ совершеннѣйшей точностью исполнялъ данное слово. Всѣ мелочи жизни были имъ обдуманы и, такъ сказать, возведены въ систему. Онъ, по принципу, не позволялъ себѣ дѣлать долговъ, а времена для него были разные, какъ мы уже упоминали объ его изношенномъ сюртукѣ. Онъ опять, по принципу, не позволялъ себѣ прибѣгать къ медицинской помощи, хотя, по природѣ слабый, имѣя слишкомъ плоскую и узкую грудь и страдалъ сердцебиенiемъ, онъ долженъ былъ бы часто прибѣгать къ врачамъ. Ни по какимъ причинамъ онъ не позволялъ себѣ отступать отъ заведеннаго и одобреннаго имъ образа жизни. Его жизнь была заведенной машиной, въ которой возможны полныя остановки, но не какiя-нибудь отступленiя, или уклоненiя. Ровно въ 5-ть часовъ онъ вставалъ съ постели и это было неумоли-

мый часть, дальше котораго Лампе, служитель Канта, ни подь какимъ видомъ не долженъ былъ позволять спать. Въ 7-мь часовъ Кантъ отправлялся въ аудиторію и ежедневно читалъ лекціи до 9-ти часовъ. До 1-го часу онъ писалъ и въ 1 часть по полудни, по старому нѣмецкому обычаю, онъ обѣдалъ. Обѣдъ былъ вмѣстѣ временемъ и удовольствія. Въ приглашеніяхъ къ столу онъ держался правила, чтобъ число гостей никогда не было менѣе числа гостей и болѣе числа музъ. Послѣ обѣда часовая, а при хорошей погодѣ и болѣе продолжительная прогулка. Вечерніе часы посвящались размышленію и въ 10-ть часовъ день Канта кончался. Такова была жизнь Кенигсбергскаго мыслителя. Онъ былъ рѣшительный врагъ всего, что заставляло бы его отступать отъ этого обычая. Конечно эту аккуратностію Канта нужно объяснить тотъ фактъ, что онъ не любилъ ни путешествія, ни разныхъ поѣздокъ къ своимъ кенигсбергскимъ сосѣдямъ. За исключеніемъ времени своей педагогической дѣятельности Кантъ никогда не выѣзжалъ далѣе двухъ миль отъ своего города.

Кантъ былъ холостякъ. Бракъ никогда серьезно не входилъ въ его планы, и онъ находилъ, что жениться хорошо, а не жениться еще лучше. Безъ всякаго сомнѣнія, молодая скудная жизнь, позднее поправленіе экономическихъ его обстоятельствъ были препятствіемъ для брака въ то время, когда онъ всего охотнѣй и чаще заключается; множество отвлеченныхъ занятій, сложившіяся привычки и, доведенная до крайности, пунктуальность не давали Канту и времени подумать о сторонѣ сердца, а отчасти и не позволяли думать о потери своей свободы и непринужденности. Замѣчательно, что нѣтъ никакихъ свѣдѣній о Кантѣ, которыя свидѣтельствовали бы о движеніяхъ его сердца съ этой именно стороны. Онъ понималъ бракъ только изъ Vernunftgründen, т. е. когда жена въ состояніи увѣдичить экономическую независимость мужа. Тѣмъ неменѣе нельзя сказать,

чтобъ Кантъ былъ человѣкомъ безъ сердца. Доказательствомъ этому служатъ его искренняя привязанность къ друзьямъ, которыхъ онъ имѣлъ достаточно, его готовность помогать бѣднымъ, нуждающимся въ помощи, студентамъ и своимъ роднымъ.

Жизнь Канта есть ни что иное, какъ жизнь обыкновеннаго нѣмецкаго профессора въ провинціальномъ Университетѣ. Привычка къ труду, правильная жизнь, скромный кругъ Университетской дѣятельности, посвященіе себя чисто научнымъ интересамъ вотъ отличительныя черты жизни Канта. Въ ней мы не найдемъ ничего, что выходило бы изъ обыкновеннаго уровня. И вмѣстѣ съ тѣмъ какая оживленная научная дѣятельность! Тотъ фактъ, что Кантъ на 44-мъ году своей жизни пришелъ къ мысли о трудѣ, создавшемъ его славу, доказываетъ, что тихая провинціальная университетская жизнь не усыпляла съ годами его умственной дѣятельности и энергіи. Что его труды дѣятельно были продолжаемы въ остальное время жизни, какъ нельзя болѣе доказываетъ, что тогдашняя Университетская Германская жизнь оказывала много возбуждающихъ и ободряющихъ вліяній. Не забудемъ при этомъ, какую дѣятельную поддержку оказалъ Богословскій факультетъ, завѣдомо противъ всемогущаго министра Вельнера, когда Кантъ издавалъ свое сочиненіе: «*Religion innerhalb der grenzen der blossen Vernunft*».

Мы воздержимся здѣсь отъ обсужденія всей философской дѣятельности Канта. Скажемъ только, что заслуги его для философіи весьма важны по множеству плодотворныхъ мыслей, внесенныхъ имъ въ обращеніе. Но сомнѣнія нѣтъ и въ томъ, что заслуга его безмѣрно увеличена Нѣмцами, видящими въ имени его предметъ національной гордости. Вопросъ о Кантѣ есть вопросъ, можно сказать, открытый. Степень его зависимости отъ схоластической, или догматической школы, своеобразность и новость направленія, внесеннаго имъ

въ философію, достоинство рѣшенія имъ задачи своей—все это не можетъ быть рѣшено германскими историками съ тою справедливостію, какой требуетъ историческое безпристрастіе. Сужденія о Кантѣ также требуютъ повѣрки, какъ и обыкновенныя сужденія о, такъ-называемой, Вольтовой, или догматической школѣ. Кантъ достаточно великъ для того, чтобъ требовать полной безпристрастности отъ изслѣдователя.

Укажемъ теперь кратко ходъ мыслей въ «Критикѣ чистаго разума».

Прежде всего нельзя отрицать факта величайшей разности въ степени достовѣрности нашихъ математическихъ и метафизическихъ познаній. Одни идутъ впередъ опредѣленнымъ путемъ: въ ихъ очевидности и необходимости всѣ согласны. Другія служатъ предметомъ только споровъ и разногласій и ни на шагъ далѣе не подвигаются.

Очевидно, метафизики допускаютъ какія-нибудь ошибки. Заблужденіе здѣсь не можетъ происходить отъ самихъ предметовъ познаній, но отъ неправильнаго способа отношенія мыслителей къ дѣлу. Въмѣсто того, чтобы начинать съ начала, они начинаютъ съ конца. Безконечные споры и разногласія въ сужденіяхъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ должны заставить насъ наконецъ обратить вниманіе на то, не взялись ли мы судить о вещахъ, превышающихъ мѣру нашего разумѣнія, не принимаемъ ли мы свои чисто личныя условія познанія за объективныя и такимъ образомъ неизбежно плутываемся въ безысходныя противорѣчія. Въмѣсто того, чтобъ ни съ того, ни съ сего отваживаться на метафизическія изслѣдованія, не должны ли мы обратиться къ своему организму познанія, дабы видѣть, какъ и что можемъ познавать?

Обращаясь къ познаніямъ, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ берутся нами изъ опыта, другія напротивъ—или предшествуютъ всякому опыту, или образуются независимо отъ

него. Познаніе, заимствованное изъ опыта, называется а posteriori, независимое отъ него—а priori. Различать ихъ другъ отъ друга легко. Познаніе а priori всегда имѣетъ всеобщій и необходимый характеръ, тогда какъ опытное—частный и случайный. Что такое познаніе а priori вообще есть у насъ, это доказывается всею математикой и отчасти метафизикой. Математическія аксіомы напр. прилагаются не къ какому-нибудь частному случаю; не случайнымъ образомъ замѣтили мы, что напр. прямая линія есть кратчайшій путь между двумя точками. Истина эта имѣетъ приложеніе всегда—во всѣхъ случаяхъ,—не потому что такъ случается, а потому что это необходимо, не потому что таковъ фактъ, а потому, что иначе быть не можетъ. Законъ причинности въ метафизикѣ имѣетъ такой же характеръ. Что всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину, эта истина имѣетъ всегдашнее и необходимое значеніе.

Итакъ фактъ познанія утверждёнъ въ его обоихъ видахъ: какъ познаніе а posteriori и а priori.

Что собственно значить познавать? Значить имѣть сужденіе о чемъ-нибудь. Но всякое сужденіе, по своей формѣ, бываетъ или синтетическимъ, или аналитическимъ. Въ аналитическомъ сужденіи я не расширяю своего знанія. Судя о предметѣ аналитически, я ограничиваюсь его понятіемъ и не присоединяю къ нему ничего, что не заключалось бы въ немъ. Судя о предметѣ синтетически, я къ подлежащему присоединяю признакъ, или черту, прямо въ немъ не заключающуюся. Значить, собственно говоря, познаніе есть ни что иное, какъ синтетическое сужденіе; ибо познаніемъ мы называемъ только то, что расширяетъ наше знаніе о предметѣ. Поэтому, если мы будемъ изслѣдовать возможность познанія, то рѣчь у насъ будетъ собственно о синтетическомъ познаніи.

Руководствуясь упомянутымъ выше различеніемъ познаній а priori и а posteriori, мы должны будемъ различать

между синтетическими сужденіями — синтетическія сужденія а priori и а posteriori. Есть ли, спрашивается, у насъ въ какой-нибудь наукѣ такія синтетическія сужденія а priori?

Относительно математики сомнѣваться нельзя. Ея истины имѣютъ всеобщій и необходимый характеръ; притомъ, онѣ расширяютъ наши познанія. Что сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна двумъ прмымъ угламъ—это сужденіе есть синтетическое, а не аналитическое: оно не выводится аналитически изъ понятій трехъ, или угла, или фигуры; нужно обратиться къ наглядному построенію, чтобъ видѣть очевидность этой всеобщей и необходимой истины.

Въ естественныхъ наукахъ также есть такія синтетическія сужденія а priori. Таково сужденіе, что дѣйствіе равно противодѣйствію.

Въ метафизикѣ также должны быть, по крайней мѣрѣ, по цѣли ея, синтетическія сужденія а priori. И она хлопочетъ о расширеніи познаній а priori, т. е. о синтетическихъ сужденіяхъ.

Если познаніе а priori есть фактъ, то, очевидно, оно и возможно. Вопросъ, слѣдовательно, не въ томъ, возможны ли синтетическія сужденія а priori, но въ томъ, какъ они возможны. Именно: какимъ образомъ возможна чистая математика? Какимъ образомъ возможно чистое естествовѣдѣніе? Какимъ образомъ метафизика возможна какъ наука?

Понятно теперь и то, что имѣетъ въ виду «Критика чистаго разума». Она не имѣетъ въ виду системы познаній, но условія ихъ, принципы, при которыхъ образуются всякія познанія: математическія, естествовѣдныя и метафизическія.

Кантъ дѣлитъ свой трудъ на двѣ части. Въ первой излагается общее ученіе, гдѣ дается полный отвѣтъ на поставленные вопросы. Во второй излагается ученіе о методѣ вообще, куда войдетъ ученіе о правилахъ, ко-

торыхъ мы должны держаться при развитіи и построеніи системы чистаго разума.

Итакъ вопросовъ, на которые необходимъ отвѣтъ, собственно три: первый вопросъ—какимъ образомъ возможна математика—найдетъ себѣ отвѣтъ въ трансцендентальной эстетикѣ или наукѣ, занимающейся чистыми формами чувственности. Второй—какимъ образомъ возможно естествознаніе—найдетъ себѣ отвѣтъ въ первой части трансцендентальной логики—въ аналитикѣ. Третій вопросъ—какимъ образомъ возможна метафизика—найдетъ себѣ отвѣтъ въ трансцендентальной діалектикѣ.

Трансцендентальная эстетика имѣетъ предметомъ своимъ чувственную сторону нашего познанія, т. е. тѣ условія, при которыхъ для нашего мышленія дается всякое содержаніе. Мы выдѣлимъ сначала все то, что мыслится разсудкомъ посредствомъ понятій. У него останутся тогда одни опытные наглядныя представленія, т. е. образы тѣхъ или другихъ предметовъ. Выдѣлимъ изъ этихъ образовъ и все то, что относится къ ощущенію, напримѣръ, все, что напоминаетъ въ этихъ образахъ цвѣтъ, опредѣленную фигуру, круглоту, или угловатость, шероховатость, вкусъ, запахъ и т. д. что обстаетъ тогда отъ чувственнаго міра? только двѣ чистыхъ формы наглядныхъ представленій: пространство и время.

Что такое пространство? Если мы станемъ разбирать его съ метафизической точки зрѣнія, т. е. смотрѣть на то, что собственно имъ обозначается, то мы найдемъ, что пространство не есть понятіе, извлекаемое нами изъ опыта; чтобы считать вещи, существующими внѣ насъ, мы должны еще до нихъ предположить пространство; оно не есть и понятіе объ отношеніяхъ вещей. Пространство есть чисто наглядное представленіе; мы представляемъ его себѣ какъ безконечную, данную величину, обнимающую въ себѣ, а не подъ собою (какъ понятія) всѣ представленія. Если же мы ста-